

Ефимова Е.А.
ДОКУМЕНТЫ ЦОА УСО г. МОСКВЫ
О РАБОТЕ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ДОМА ПИОНЕРОВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История Великой Отечественной войны, история участия москвичей в защите родного города – тема всегда актуальная для изучения. Представляется интересным узнать о работе Московского городского Дома пионеров в те нелегкие для столицы годы. Источником для написания статьи послужили документы фонда Московского городского Дома пионеров, хранящиеся в Центральном объединённом архиве учреждений системы образования г. Москвы (ЦОА УСО г. Москвы). Архив хранит документы образовательных учреждений по личному составу. Фонд Московского городского Дома пионеров и октябрят носит номер 359, состоит из 63 дел, включённых в одну опись [1]. Нами использованы документы дел №№ 2–17. Это приказы по личному составу за период с 16 июля 1941 г. по май 1945 г. и лицевые счета по зарплате сотрудников за 1941–1945 гг. Приказы – машинопись, подлинники и копии, подписанные руководящими лицами МГДП; лицевые счета – бланки, заполненные от руки сотрудниками бухгалтерии.

В лицевых счетах по зарплате имеются сведения о занимаемой должности сотрудника, о начисленной зарплате и отчислениях (займах), о педагогической нагрузке и ее изменениях, о совмещениях по службе и получении пенсии, об отпусках, отгулах, больничных листах. У некоторых сотрудников – в основном, у мужчин – проставлены года рождения (что связано с отношением к военной обязанности), иногда указаны дети, льготы на иждивенцев. У женщин с 1942 г. проставлялась отметка: «жена призванного в Красную Армию», «жена военнослужащего», «муж находится в действующей армии», «получает пособие», «получает пенсию на детей», а в 1945 г.: «жена демобилизованного». С 1945 г. в делах присутствуют подлинники справок, выданные женщинам на мужей, служащих в рядах Красной Армии, что связано с правом на получение льгот по налогообложению. С 1943 г. года рождения указаны почти у всех сотрудников; есть пометы: «инвалид войны», группа инвалидности и иногда № инвалидной книжки. По лицевым счетам по зарплате можно видеть, что среди сотрудников Дома пионеров были люди, уже воевавшие. В.С. Лихачев, инструктор оборонного отдела, был награжден орденом, что отмечено в его лицевом счете [1, д. 4, л. 69]. В лицевом счете работника пожарной охраны А.В. Щенникова за 1941 год имеется странным образом оказавшаяся здесь запись: «Считать возвратившимся с фронта и приступившим к работе с 15 июля 1940 г.» [1, д. 5, л. 133]. Скорее всего, оба они – участники финской войны.

За 1941 г. сохранились приказы только с 16 июля 1941 г., поэтому изредка встречающиеся в лицевых счетах по зарплате сотрудников номера приказов за более раннюю дату дают возможность фрагментарно восстановить номера, даты и тематику приказов по личному составу за первую половину 1941 г. Приказы по личному составу МГДП посвящены, в основном, кадровым перемещениям: приему сотрудников на работу, их увольнению, переводу с одной ставки на другую. Характерной особенностью приказов военных лет является расширенная по сравнению со стандартом тематика приказов – здесь и благодарности, и порицания, и приказы, содержащие упоминания фамилий сотрудников МГДП, но касающиеся не только личного состава, но и организационных, педагогических, хозяйственных аспектов его деятельности; таким образом, весьма возрастает источниковедческая ценность этих документов. Отметим также тон формулировок приказов: он может быть нестандартно торжественным при объявлении благодарностей, особенно к праздникам, и сурово-эмоциональным с употреблением канцеляризмов – в случаях различных взысканий. Логично предположить, что так проявились как некоторые стороны личности директора МГДП А.А. Ахапкина, моменты взаимоотношений его с коллективом сотрудников Дома пионеров, так и черты обстановки жизни военной Москвы.

В результате анализа материалов выявлено несколько комплексов вопросов, по которым данные документы могут служить источником.

Можно сказать, что в них жизнь Москвы военного времени отразилась, как в капле воды. Эвакуация, светомаскировка, тушение зажигательных бомб, снабжение по карточкам, оборудование бомбо- и газозубежищ, мобилизации сотрудников на трудовой фронт, на дровозаготовки, на лесозаготовки, на торфозаготовки, на спецработы, экономия топлива и электроэнергии, суровая дисциплина прихода-ухода на работу, дежурства групп самозащиты (химзвено, санзвено,

звено общественного порядка, звено газоубежища) – такие реалии встают перед нами при изучении приказов по личному составу за 1941–1943 гг.

Наиболее драматичен материал осени 1941 г. – времени Московской битвы. Далеко не все сотрудники Дома пионеров в еще предвоенные май-июнь 1941 г. успели уйти в отпуск; 38 сотрудникам был оплачен неиспользованный отпуск за 1941 г. С 16 июля по 16 октября 57 сотрудников МГДП были уволены, многие с формулировкой «ввиду выезда семьи из Москвы», «ввиду выезда в деревню». Некоторые брали отгулы «для отправки семьи из Москвы». В лицевых счетах встречаются записи: «уволить в связи с выездом из Москвы» или «восстановить в связи с невыездом из Москвы». 19 июля и 9 августа вышли приказы об увольнении с формулировкой «в связи с временным сокращением объема работ Городского Дома пионеров» [1, д. 2, л. 151, 183].

Московский Дом пионеров не закрывался. Дети не покинули его, педагоги не покинули детей. 24 июля прошел приказ о выплате пианисту-аккомпаниатору В.Б. Шайкевичу «за 20 часов по 10 рублей в час за концертмейстерскую работу в июле в связи с выступлением детей на допризывных участках». В некоторых приказах оживает обстановка тех дней. «Всем сотрудникам Дома 14 августа с 17 по 17.30 проводить работу в противогазах. Проверку исполнения и освобождение от работы в противогазах лиц, не могущих по той или иной причине в них работать, возлагаю на т. Баркунского». В самые тяжелые дни обороны Москвы, с 16 по 25 октября, пятеро сотрудников были призваны в армию. С формулировкой «в связи со свертыванием работы МДП с 25 октября» были уволены 25 человек [1, д. 2, л. 174, 148, 82].

В Доме пионеров был немалый (более 20 чел.) штат пожарной охраны. Считается, что эта служба давали бронь от армии, однако из 20 человек, призванных в РККА с 16 июля 1941 г. по 19 января 1942 г., шестеро – работники пожарной охраны. Эта работа была нелегкой и ответственной. По приказу от 30 августа работники пожарной охраны заступали на дежурство с 19 часов и на всю ночь. С 1 декабря 1941 г. они были переведены на казарменное положение [1, д. 2, л. 132, 58]. Один из приказов следует процитировать дословно. «В ночь с 29 на 30 сентября и с 30 сентября на 1 октября пожарные рабочие тт. Соловьев, Столицкий и Спицын по своей инициативе провели огромную работу по уборке 100 куб. метров дров в штабеля. Отмечая большую работу, объявляю благодарность тт. Соловьеву, Столицкому и Спицыну с занесением в личное дело» [1, д. 2, л. 98]. По крайней мере, один из них – младший пожарник Соловьев Владимир Алексеевич – две ночи подряд грузивший дрова, был 1925 года рождения (т.е. ему было в 1941 г. 16 лет).

Наступил перелом Московской битвы – 5 декабря. Уже с 13 декабря идут приказы о зачислении на работу (о восстановлении на работе). Всего принято 33 человека, среди них – электромонтер М.С. Антохин и машинистка Л.Д. Кузнецова, оба 1924 г. рождения. С 1 по 10 января 1942 г. в МГДП шли праздники новогодней елки для детей Москвы.

С конца 1942 г. начинаются инвентаризации, учет имущества МГДП, усиливается охрана территории, устанавливается режим работы кладовой и выдачи расходных материалов. Это объясняется, видимо, ростом преступности в городе. В 1942–1945 гг. в Доме пионеров были факты хищений (пальто из гардероба, шторы, физкультурный канат, экспонаты с выставки), что повлекло соответствующие приказы в отношении виновных. В приказах по личному составу имеется информация и по истории зданий Дома пионеров, разделивших с людьми тяжелую военную судьбу. Для отопления зданий имелась котельная, в которой работали 2–3 истопника. Работали в отопительный период без выходных, получая после его окончания по полтора месяца отгулов. Окна на зиму были тщательно заклеены, этим занимались не только истопники и уборщицы, но и сотрудники, мобилизованные по указанию коменданта МГДП на эту работу. В холодную зиму 1943 г., в обстановке жесткой экономии топлива, в некоторых помещениях ставили печи-буржуйки. Однако к концу 1943 г. стало легче, и в зданиях Дома пионеров был произведен ремонт, сначала в основном здании (пер. Стопани, д. 6), затем в техническом корпусе (пер. Стопани, д. 5). Для 1944–1945 гг. характерно сочетание жесткой дисциплины, охраны здания и территории с её обустройством. После ремонта корпусов пришла очередь парка. Силами сотрудников были вскопаны и засажены газоны, приведены в порядок сохранившиеся посадки. В режиме парка территория Дома пионеров продолжала функционировать и в послевоенные годы. Яркая черточка, свидетельствующая об окончании войны – снятие светомаскировки («Все маскировочные шторы сдать на склад под ответственность Михалицкого, а дерматинные шторы заприходовать как материал») [1, д. 15, л. 177].

Реалии быта в дни войны преломляются и в нечасто встречающихся документах, касающихся общежития Дома пионеров. Еще с довоенных лет некоторые помещения обоих корпусов были полуофициально переданы под общежитие сотрудников. Были женское и мужское общежития, комнаты для семейных. Жили там как уборщицы, дворники, истопники, так и педагоги. За право проживания они несли обязанность ночных дежурств. Отказ в прописке в общежитии означал и увольнение с работы.

Важна информация, характерная именно для деятельности детского внешкольного учреждения. Однако вопросы учебной и массовой работы в документах по личному составу освещены недостаточно и односторонне. Приказы начала учебного года по установлению педагогической нагрузки дают картину учебной работы МГДП. Виден объем работы кружков разных направлений; проходит череда блестящих педагогов – специалистов в своей области [1, д. 9, л. 77, 80]. Встречаются распоряжения и приказы о педагогических советах, об организации совета активистов Дома пионеров [1, д. 6, л. 47, 127], впоследствии – порицания в адрес тех педагогов, которые не провели выборы актива в своих кружках, не обеспечили присутствия представителей учеников на заседании самоуправления. Иногда в приказах по личному составу можно видеть и фамилии кружковцев, например, группы юных художников, восстанавливавших довоенную стенную роспись после ремонта [1, д. 9, л. 3].

Дисциплинарные требования касались и детей. Выходили распоряжения о запрещении находиться в здании МГДП в пальто и галошах. В обоих корпусах имелись гардеробы, но кружковцы, видимо, часто игнорировали их. В Доме пионеров все военные годы действовали столовая и бесплатный молочный буфет для кружковцев. По воспоминаниям кружковцев военного времени, булочка и стакан напитка «суфле» были для них чем-то необыкновенно вкусным и неповторимым [2, с. 219, 220]. Летний лагерь актива в 1943 г. проходил в д. Петушки, для работы в нем набирался дополнительный штат педагогов-туристов. В 1944–1945 гг. широко развернулась массовая работа Дома пионеров: праздники, выставки, концерты.

Московский городской Дом пионеров не прекращал свою работу в тяжелые дни Московской битвы. С января 1942 г. ведущее детское учреждение Москвы активно разворачивало свою работу. Картины бедности и суровой экономии встают перед исследователем через фразы документов, касающихся хозяйственных вопросов жизни Дома пионеров, который был для детей военной Москвы оазисом знаний и душевной теплоты. Педагоги и сотрудники Дома пионеров несли тяготы войны, не сворачивая свою работу. Кроме обычных кружковых занятий проходили праздники, в том числе – новогодней елки, выставки, концерты, лагеря пионерского актива.

Для написания истории Дома-Дворца пионеров эти документы дают ценный фактический материал. Из приказов по личному составу и лицевых счетов по зарплате можно извлечь данные о биографиях педагогов и сотрудников (порою даже детали их судеб), о названиях кружков, об эпизодах ремонта зданий и благоустройства территории. Эти сведения могут стать отправной точкой дальнейшего поиска.

1. Центральный объединенный архив учреждений системы образования г. Москвы (ЦОА УСО г. Москвы). Ф. 359. Оп.1.

2. Ефимова, Е.А. От Дома пионеров на Стопани – к Дворцу на Ленинских горах / Е.А.Ефимова, В.С.Мягкова. – М.: МГДД(Ю)Т, 2009. – 384 с.

Ханипова И.И.

БУДНИ ДЕТДОМОВЦЕВ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В ДОКУМЕНТАХ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

В последние годы для сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне как специальными студенческими поисковыми группами [см.: 7], так и индивидуальными исследователями активно проводится сбор воспоминаний детей войны. Собранные воспоминания и интервью вводятся в научный оборот, используются в учебно-воспитательном процессе [8]. Среди этих материалов встречаются и свидетельства детдомовцев о повседневности военного времени [5].

Анализ мемуарной литературы показывает, что воспитанники детских домов, мужественно преодолевая трудности, связанные с голодом, холодом, отсутствием нормального жилья, горечью утрат близких и родных, продолжали жить своей детской, хотя и не совсем беззаботной, жизнью.